

Египте не выпало ни капли дождя – в армии распространилась болезнь,¹⁴ при которой высыхает плоть на ногах, кожа покрывается черными пятнами и обретает темно-коричневый цвет, как старый сапог. У тех, кто страдал этой болезнью, губы и нёбо покрывались язвами; ни одна из жертв этой болезни не питала надежду выздороветь и не сомневалась, что умрет. Неопровержимым знаком смерти было кровотечение из носа.

Две недели спустя глубокое потрясение в лагере вызвала следующая операция сарацин. Желая уморить нас голодом, они перетащили по суше и снова спустили на воду в доброй лиге ниже того места, где стояли наши палатки, несколько галер, стоявших выше по течению над нашим лагерем. Эти галеры и привели к подлинному голоду среди нас, потому что никто теперь не мог подняться вверх по реке из Дамьетты и доставить нам свежее продовольствие. Мы не имели понятия о положении дел, пока маленькое судно, принадлежащее графу Фландрскому, не проскользнуло мимо судов, осуществлявших блокаду, и не доставило сведения о расположении сил врага. Оно сообщило, что галеры султана перехватили примерно восемьдесят наших галер, когда те поднимались по реке из Дамьетты, и перебили всех, кто был на борту.

Следствием такого положения явилась острая нехватка провизии в лагере; в результате к Пасхе бык стоил восемьдесят ливров, овца или свинья по тридцать ливров каждая, яйца шли по двенадцать денье, а за бочонок вина приходилось платить до десяти ливров.

Когда король и бароны получили представление о ситуации, они согласились, что надо снимать лагерь, который был на стороне ближней к Каиру, и перемещать его на то место, где стоял лагерь герцога Бургундского, вдоль реки, что текла к Дамьетте. Чтобы обеспечить войскам полную безопасность, король приказал возвести перед мостом между нашими двумя лагерями укрепление, которое было сделано таким образом, что ни один всадник не мог проникнуть в него с любой стороны.

Как только оно было готово, все вооружились. Сарацины воспользовались моментом, чтобы напасть на наш лагерь. Тем не менее ни король, ни армия не снялись с места, пока все грузы не были перемещены через реку, и лишь потом Людовик двинулся во главе своих воинов. За ним последовали все его бароны, за исключением Готье де Шатийона, который командовал аррьергардом. Когда войска миновали укрепление, Эрард де Валери бросился спасать своего брата Жана, которого сарацины захватили в плен и уже собирались увозить.

Основная часть армии пересекла реку, но те, кто оставались в укреплении, оказались в большой опасности, потому что его стены были невысоки, и конные сарацины могли стрелять прямо в них, а пешие бросали комья земли им в глаза. Наши воины все могли погибнуть, если бы не граф д'Анжу, который пришел к ним на помощь и вывел их невредимыми. Из всех, кто оставался в укреплении, мужественнее всех сражался Жоффруа де Мюссанбур, чем и заслужил непреходящую славу.

Теперь я расскажу вам о любопытном случае, свидетелем которого я был в канун Прощеной среды. В тот день мы хоронили Гуго де Ландрикура, который был при мне знаменосцем. Когда он лежал на похоронных дрогах в моей часовне, неподалеку, развалясь на мешках с ячменем, сидели шестеро моих рыцарей. Поскольку они громко разговаривали и их голоса мешали священнику, я подошел к ним, попросил вести себя потише и сказал, что для рыцарей и достойных людей недостойно так вести себя, когда звучат звуки мессы. Они начали смеяться и, похмыкивая, сказали мне, что они обсуждали повторный брак жены покойного. Я резко оборвал их, сказав, что неправильно и недостойно вести такие разговоры и что они, похоже, забыли своего почившего товарища. На следующий же день Господь поразил их своей мезтью. В ожесточенном сражении в Прощеную среду все они были убиты на месте или смертельно ранены, так что женам всех шестерых пришлось думать, как бы им снова выйти замуж.

Страдая из-за ран, полученных в Прощеную среду, я чувствовал, что становлюсь жертвой болезни, которая поразила всю армию. Она сказала на моих ногах и во рту. Кроме того, я страдал от повторного приступа перемежающейся лихорадки и чувствовал такой озноб, что из носа постоянно текла слизь. Из-за всех этих хворей мне пришлось к середине Великого поста слечь в постель. Мой священник пришел ко мне в шатер, чтобы отслужить мессу у ложа. Он страдал оттого же, что и я, и в момент причастия потерял сознание. Видя, что он вот-вот упадет, я босиком, в

¹⁴ Цинга.